

Бунакова Росина Юрьевна

ОБРАЗ КОШКИ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЛАО ШЭ "ЗАПИСКИ О КОШАЧЬЕМ ГОРОДЕ")

В статье особое внимание уделяется анализу образа кошки в китайской письменной традиции. На примере произведения Лао Шэ "Записки о Кошачьем городе", в котором наиболее ярко воплощен архетипический образ кошки, показывается, что данный мотив носит аллегорический характер и выступает в романе как "образ-символ".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 33-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Баранов А. Н.** Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1990. 48 с.
2. **Барт Р.** Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.
3. **Григорьева В. С.** Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2007. 288 с.
4. **Кушнир Н. А.** Вербализация чувственных интенций в русской диалогической речи (на материале коммуникативной ситуации "объяснение в любви"): автореф. дисс. ... канд. филол. наук // Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. Киев, 2005. 15 с.
5. **Ренц Т. Г.** Романтический дискурс в коммуникативно-семиотической парадигме // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 58. № 25 (240). С. 138-142.
6. **Стернин И. А.** Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во "КО", 2001. 228 с.
7. **Троянов В. И.** Личностные стратегии обоснования в дискурсе // Личностные аспекты языкового общения: сб. науч. тр. Калинин: Калинин. гос. ун-т., 1989. С. 37-45.
8. **Хисамова Г. Г.** Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 2009. 45 с.
9. **Hardy T.** Under the Greenwood Tree. Wordsworth Editions Ltd, 1994. 192 p.
10. **Henne H., Rehbock H.** Einführung in die Gesprächsanalyse. Gruyter, Walter de GmbH, 1982. 330 S.

**IMPLEMENTATION OF PERSUASION STRATEGY IN DIALOGIC ROMANTIC DISCOURSE
(BY THE MATERIAL OF CREATIVE WORKS OF THOMAS HARDY)**

Bulkina Anna Vladimirovna

*Kiev National University named after Taras Shevchenko, Ukraine
anna.bulkina@gmail.com*

The author researches the persuasion strategy implementation in fictional romantic discourse, considers the specific features of romantic discourse, its pragmatic and emotional-expressive aspects, analyzes the choice of linguistic manipulation, reveals the influence of social context on dialogic interaction specificity, pays attention to the cognitive aspects of dialogue in romantic discourse, and also analyzes speech acts used to implement the communicative goal of interaction.

Key words and phrases: dialogue; romantic discourse; speech act; argumentative discourse; communicative goal; persuasion strategy.

УДК 821.581

Филологические науки

В статье особое внимание уделяется анализу образа кошки в китайской письменной традиции. На примере произведения Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе», в котором наиболее ярко воплощен архетипический образ кошки, показывается, что данный мотив носит аллегорический характер и выступает в романе как «образ-символ».

Ключевые слова и фразы: образ кошки; фольклорный архетип; аллегория; «люди-кошки»; гротеск.

Бунакова Росина Юрьевна

*Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
sibusina@mail.ru*

**ОБРАЗ КОШКИ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЛАО ШЭ «ЗАПИСКИ О КОШАЧЬЕМ ГОРОДЕ»)[©]**

Образы животных занимают особое место в традиционной китайской культуре. Классическая культура древнего и современного Китая всегда отличалась и отличается обилием образов реальных и мифических животных. Персонажи-животные в самых невероятных обликах и видах широко распространены в китайской литературе, а приём смешения мира живых людей с животным миром – приём давно испытанный в китайской литературе.

Животные играют важную роль в китайском мире сверхъестественного. В китайских сказках и легендах животные наделяются человеческими качествами, и наоборот. Часто животные общаются с людьми, охраняют границы нашего мира от проникновения тёмных сил, учат мудрости или указывают дорогу.

Китайская вера в сверхъестественные возможности животных уходит своими корнями в глубокую древность. Так, в описаниях чужих народов, содержащихся в древнем памятнике «Каталог гор и морей», прослеживается тенденция утрирования отличия, которая раскрывается в попытке отнести «чужое» к «миру

животных». Отсюда многочисленные описания человека-животного. Довольно часто в мифах Древнего Китая встречаются описания удивительных животных, фантастических существ, населявших древний мир, – «полулюди-полузвери» (животное синсин с пёсым туловищем и человеческим лицом; женщина-рыба с лицом человека и туловищем рыбы и т.д.).

Я. Я. М. Де Гроот отмечает, что волшебной силой в китайском фольклоре обладает множество животных: тигры, волки, собаки, лисицы, обезьяны, кошки и т.д. [2]. Неслучайно эти образы столь популярны в литературных произведениях, где они могут быть представлены в образе оборотней и в то же время нести функцию «помощных зверей», которые устраивают дела своих хозяев.

Здесь уместно вспомнить классическую китайскую литературу, например, роман У Чэньэня «Путешествие на Запад» (XVI в.), в котором действуют царь обезьян Сунь Укун и ленивый боров Чжу Бацзе; новеллы Ляо Чжая и Юань Мэя (XVII в.), рассказывающие о чудесах, творимых хитроумными лисами и превращениях лис в ученых, студентов, красивых женщин. И, наконец, можно привести в качестве примера произведения писателей XX века. В повести Лао Шэ «День рождения Сяо-по» (1930 г.) главный герой переносится в Страну Обезьян и участвует в войне с волками. Писатели часто обращаются к образам животных в публицистических произведениях: эссе Лу Синя «Кролики и кошка» (1922 г.), «Утиная комедия» (1922 г.), «Про собак, кошек и мышей» (1926 г.); эссе Лао Шэ «Собака» (1945 г.), «Кошка» (1959 г.).

В связи с тем, что образы животных весьма популярны в китайской литературе, нам предоставляется интересным возможность выяснить, как раскрывается образ кошки в китайском фольклоре и литературе.

Впервые кошка упоминается в китайских письменных источниках VI века. В «Книге песен» (诗经) говорится о священном животном Мао (звуковое подражание голосу кошки), которое очень похоже на тигра, только значительно меньше, живет в доме, защищает рисовые поля и хранилища от мышей. Поэтому не случайно иероглиф «кошка» 猫 состоит из ключей 田 «тянь» (поле), 艹 «цао» (трава) и 犭 «цюань» (животное) – это означает, что кошка уничтожает животных на поле.

Мао не только избавляла китайцев от крыс и мышей, но вдобавок ко всему еще и служила в качестве живого определителя времени: если зрачки кошки своей формой напоминали финиковую косточку, то это соответствовало первой половине дня, если выглядели как тонкие линии, считалось, что наступил полдень.

Мифоид кошки утвердился ещё в верованиях Древнего Китая. Так, в образе кошки изображался китайский бог сельского хозяйства Ли-Шу, у бога хаоса Хуньдуня и бога Ли Ву были кошачьи когти, зверь кошачьей породы был символом богини Сиванму, а зверь с кошачьими чертами Кай Мин охранял земной рай, где жили свирепые кошки.

Кроме того, кошка считалась священным животным и рассматривалась в качестве покровителя шелководства, защитницей дома от злых сил: «В ряде местностей духу кота даже приносили жертвы в специально построенных для этого кумирнях» [3, с. 79]. Китайцы боготворили кошек. В их честь устраивали пышные празднества и театрализованные действия. Поэтому неслучайно потеря домашнего кота воспринималась как признак несчастья.

Но, что удивительно, в китайской фразеологии образ кошки редко бывает положительным. Такая двойственность, по нашему мнению, идет от реального характера животного. Кошка хитра, умна, знает, как ей лучше выйти из той или иной ситуации, её действия хорошо обдуманы. Все эти качества кошки сближают её с лисой. Неслучайно в фольклоре бытуют такие фразеологизмы, как 猫苦耗子 «кот оплакивает мышь» (крокодиловы слезы; волк овцу жалеет), 照猫画虎 «глядя на кошку, рисовать тигра» (неумело подражать).

Образ кошки в китайской культуре двойственен. Об этом свидетельствуют как письменные источники, включающие разные фольклорные жанры, так и отношение к кошке в Китае. С одной стороны, кошку считают хранительницей достатка, символом плодородия и долголетия, чьё изображение считалось приносящим счастье, а с другой стороны, кошка в представлениях древних китайцев связана с иным миром, с миром мёртвых, обладает злыми силами и способностью принимать любые формы, общаться с духами.

Необходимо заметить, что представители семейства кошачьих неизменно ассоциируются в китайских верованиях и словесности с враждебными по отношению к человеку силами. Такое их осмысление, безусловно, ярче всего проявляется в образе лисы (ху 狐), которая считалась оборотнем, способным принимать любой человеческий облик и насыпать порчу на тех, кто неосмотрительно вступает с ней в контакт. Тем не менее, столь же зловредными свойствами наделяется и производная от лисы кошка.

Народные представления и поверья о кошке как о животном мистическом, наделенном необычными способностями, относящемся к силам тьмы и зла, связаны с тем, что «у китайцев кот, будучи ночным животным, относится к принципу инь (женского начала, тьмы, луны и т.д.)» [7]. Блестящие круглые глаза, способность кошки изменять форму зрачка и способность видеть ночью – всё это «воспринималось как доказательство умения общаться с демонами» [3, с. 79]. Связь кошки с мистическими существами и потусторонним миром объясняется также легендой, согласно которой кошка «была выкуплена жутким демоническим колдуном Миао-Куаи, способным излечивать болезни и вызывать духов смерти» [6].

Кошка находит свое отображение во множестве легенд древнего Китая. Хотя историй об оборотнях-кошках в китайской литературе сравнительно немного, тем не менее, китайцы верили в существование ведьм, использующих для своих коварных целей оборотней-кошек. Кроме того, китайцы считали, что после смерти некоторые люди способны превращаться в кошек и мстить тем, кто преследовал их при жизни [4].

Культ кошки в Китае прослеживается в течение многих веков. Следующей стадией развития образа кошек явилось перемещение его из мифов и легенд в литературу. Кошка стала героем многих произведений. Образ кошки встречается в новеллах Китая, где фигурирует в качестве оборотня («Старый кот» Гань Бао, «Дикая кошка называет себя двоюродной сестрой (братом)» Юань Мэя) или приближенного колдуньи («Ночная звезда» Юань Мэя), а также в качестве проводника между миром людей и потусторонним миром. В этих новеллах отразились древние народные поверья, в которых кошка наделялась зловещими чертами и была способна к оборотничеству. Таким образом, в фольклорных и литературных произведениях кошка выступает как воплощение (или помощник, член свиты) нечистой силы, а также в ряде случаев в роли ведьмы.

В литературе XX века образ кошки используется как аллегория. Так, в публицистических произведениях Лу Синя («Про собак, кошек и мышей», «Кролики и кошка») и Лао Шэ («Кошка») образ кошки зачастую инносказателен и служит целям политической борьбы, для выражения философских раздумий. Обходя цензуру, писатели через описание животного обращаются к социальной конкретике.

Таким образом, образ кошки широко использовался, передавался и изменялся в фольклорной среде и письменной традиции. Образ кошки в китайской литературе XX века, с одной стороны, традиционен и заимствован из различных литературных источников, а с другой стороны, обусловлен личным жизненным опытом каждого писателя.

Несомненно, самыми известными, самыми популярными кошками в китайской литературе XX века стали люди-кошки из романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» (1932 г.).

Лао Шэ не раз говорил о том, что выбор образа кошки для его произведения произволен: «我所以必用猫城，而不用狗城者，倒完全出于一件家庭间的小事实——我刚刚抱来个黄白花的小猫... 设若那天我是抱来一只兔，大概猫人就变成兔人了；虽然猫人与兔人必是同样糟糕的» [9]. «Город кошек – а не, скажем, город собак – возник у меня случайно: просто в тот день я принес домой рыжую с белыми полосами кошку... если бы в тот день я принес кролика, в книге появился бы город кроликов, который ничем не лучше города кошек» (перевод В. Ф. Сорокина) [5, с. 494]. Однако, на наш взгляд, этот выбор в определенной степени обусловлен национальной культурной традицией.

Как уже было сказано, в верованиях китайцев кот обладает способностью к трансформации, поэтому нередко в литературных произведениях можно встретить мотив превращения как кота в человека, так и, наоборот, человека в кота, а также превращения в «получеловека-полузверя», совмещающего элементы кота и человека.

В романе «Записки о Кошачьем городе» ключевая роль принадлежит соединению двух лейтмотивов *человек* и *кошка*. Заданный мотив доминирует как на лексической поверхности текста (неоднократные кошка, человек-кошка, Кошачий город), так и на большой семантической глубине. Данное соотношение лейтмотивов человека и кошки имеет тот художественный смысл, что в образе главных героев соединяется человеческое и звериное, человек превращается в зверя. Животность выражает здесь мифологические значения, соотносимые с инфернальным «низом».

Гротескный вариант «человек-животное» («человек-зверь») разрабатывается в романе с помощью таких приемов характеристики, как зоологические аналогии. Этот прием не только помогает увидеть характер персонажа, но и придает изображаемому образу черты фантазмагии, неправдоподобного, небывалого. Однако, что интересно, зоологизм у Лао Шэ не развернутый, не детализированный, писатель редко подчеркивает облик своих гротескных персонажей. В обрисовке внешности людей-кошек писатель не акцентирует внимание на их портретной характеристике, отчего образ становится обобщенным. В романе рисуется единая масса, «толпа», или же разрозненные массы обывателей, вобравших в себя все худшее. Не случайно Лао Шэ называет жителей Кошачьего государства просто: «люди с кошачьими мордами», «люди-кошки», «человек-кошка», «существо с кошачьей мордой».

Внешность людей-кошек обрисовывается довольно скупой: «Он был голым, и я ясно видел длинное, тонкое туловище и короткие конечности с короткими пальцами... Лицо большое, глаза абсолютно круглые, очень низко посаженные, над ними широкий лоб, поросший такой же короткой шерстью, что и макушка. Нос и рот слиты вместе, но не так красиво, как у кошки, а грубо, как у свиньи...» [Там же, с. 200]. Однако, прием повтора, который использует Лао Шэ в обрисовке внешности людей-кошек, позволяет ему акцентировать внимание читателя на какой-нибудь одной черте, отчего образ становится осязаемым. Так, несколько раз повторяется следующее описание кошек: «Грязные (невероятно грязные, невозможно описать, до чего грязные!), худые, вонючие, уродливые, безносые, прыщавые». И далее: «только общество идиотов могло породить грязных, худых, вонючих, уродливых, безносых... Когда эти дети вырастут, страна станет еще грязнее, вонючее и уродливее» [Там же, с. 246].

Особое значение при описании «людей с кошачьими мордами» имеют мотивы, связанные с отсутствием одежды, мотивы нечеловеческой еды, мотивы невладения человеческой речью. «Звериная нагота» персонажей, шерсть на теле, употребление в качестве пищи дурманных листьев, кошачий язык являются признаками уподобления зверю, признаками персонажей, попавших в демоническое пространство. Эти детали помогают раскрыть характер кошек и показать противопоставление «чужой» культуры «своей».

Отвратительному внешнему виду кошек соответствует их внутренний облик, поэтому еще более сильное эстетическое потрясение вызывают подробности повседневного кошачьего существования.

Лао Шэ в романе делает фантастические персонажи - людей-кошек - носителями отрицательных моральных и социальных качеств. Автор показывает одинаковость, обезличенность, «потусторонность» людей-кошек, размытость не только их прошлого, о котором нет смысла помнить, но и настоящего и будущего.

Образ кошки в романе – это кошка-разрушитель, кошка-демон, олицетворяющая зло и смерть. Неслучайно Лао Шэ даёт главным героям-кошкам (отцу и сыну) имена Большой Скорпион и Маленький Скорпион. Скорпион в китайской культуре ассоциируется со смертью, деструктивной силой, бедствием, тьмой, злом, демоническим существом [8]. Поэтому прилагательные «большой» и «маленький», на наш взгляд, отражают силу зла, «степень ядовитости», которую несут главные герои. Таким образом, в имени Большого Скорпиона Лао Шэ показывает, что «его “яд” смертельно опасен не столько для отдельного человека, сколько для всего общества» [1, с. 101].

В «Записках» очевиден параллелизм солнечного, дневного, человеческого начала (представленного в образе героя, попавшего на Марс), которому противостоит темное, ночное, демоническое начало (люди-кошки и в целом Кошачье государство). Темный, серый и черный цвета в романе ассоциируются с загробным миром, где при появлении нечистой силы поднимается холод, ветер. Из этой «природности» Марса вытекает возможность оборачиваемости окружающего мира, проявления в нем обратной стороны действительности, как правило, темной и ночной. Таким образом, Кошачий город – это своеобразный подземный мир, это город мрака, мир духов и потусторонних сил.

Ложь, обман, забитость, отсутствие высоких духовных идеалов – вот основы, на которых стоит государство кошек, и против которого воюет писатель, создавая атмосферу необычного и в то же время страшного. Лао Шэ в гротескной манере описывает каждодневную жизнь города кошек, фиксирует образ мышления «людей с кошачьими мордами», высмеивает скудное мировоззрение жителей Кошачьего государства. Лао Шэ помещает героя в различные социальные ситуации, тем самым подвергая его всестороннему испытанию.

Заостряя некоторые явления с помощью гротеска, преувеличения, гиперболы, он высмеивает и обличает людей-кошек. Доведение разных жизненных ситуаций в Кошачьем государстве до абсурда, нелепицы помогают писателю отразить алогизм отрицательных явлений жизни. Так, Лао Шэ изобразил систему образования в Кошачьем государстве в нарочито тёмных тонах, нарисовал мрачную картину деградирующей цивилизации, где образование и культура находится в состоянии застоя, где все ценности разрушены.

В учебных заведениях этой выдуманной страны устраивались массовые судилища и расправы над учителями. «Убийство нескольких директоров или преподавателей сейчас самое заурядное явление», - говорит один из представителей людей-кошек Маленький Скорпион [5, с. 254]. В школах и университетах Кошачьего государства прекратились занятия, так как была проведена «реформа, согласно которой день поступления в школу считался одновременно днем окончания университета» [Там же, с. 250]. Все это привело к увеличению числа безграмотных (однако, по мнению кошек, это, наоборот, послужило тому, что страна заняла первое место по числу людей с высшим образованием). В результате для людей-кошек школы стали местом «для борьбы за директорские места, для избияния преподавателей и всевозможных шумих» [Там же, с. 253]. Лао Шэ вскрывает абсурд системы образования и отношений между людьми в романе, прибегая к гротескному способу повествования. В силу этого перед нами предстает мир, страшный и чуждый человеку, где все оказывается бессмысленным, непонятным и враждебным.

Создаваемые Лао Шэ образы амбивалентны и противоречивы, и предстают перед читателем как чудовищные и ужасные. Например, государство кошек, с одной стороны имеет двадцатитысячелетнюю историю, а с другой – является местом грязи, нищеты и несправедливости.

Писатель высмеивает ученых, чиновников, болтливых политиков, армию, обличает всю государственную систему Кошачьего государства, основанную на порядках, губительных для страны.

Люди-кошки опьянены своей древней культурой, насчитывающей больше двадцати тысячелетий. «Наше государство самое древнее!», - говорит Большой Скорпион [Там же, с. 205]. Тем не менее, музеи Кошачьего государства пусты, национальные культурные ценности распроданы. Работники музеев лишь по памяти рассказывают об экспонатах, которые когда-то были выставлены в том или ином зале: «Это зал каменной утвари восьмого тысячелетия до нашей эры. Утварь разложена по новейшей системе... Перед вами древний каменный сосуд... Перед вами каменный топор, которому исполнился десять тысяч один год... А тут хранятся древнейшие книги мира, которым перевалило за пятнадцать тысяч лет...» [Там же, с. 261]. Жители Кошачьего государства не заботятся о сохранении и укреплении богатейшей тысячелетней культуры народа. Они с упоением рассказывают о стоимости древностей, бегло называют цену экспонатов в валюте Кошачьего государства – «национальных престижах».

Учёные Кошачьего государства занимаются проблемами, не имеющими совершенно никакого отношения к науке. Они ведут бесплодные поиски в областях, не представляющих ни малейшего интереса: астроном наблюдает звезды простым глазом; историк изучает такой древний вид казни, как сдирание кожи с живого человека; лингвист, изучая форму письменных знаков, доказывает, что у учёного должно быть много жён. Единственная их цель – в ходе спора доказать, что именно он является первым учёным в Кошачьем государстве, и получить в качестве награждения дурманный лист. Отсутствие культуры, малограмотность, бессмысленность рассуждений, безразличие к истинной науке, продажность – вот черты учёного Кошачьего государства.

Библиотека Кошачьего государства занимается перерегистрацией книг, стен библиотеки, здания культурного учреждения, поскольку «последняя книга продана пятнадцать лет тому назад» [Там же, с. 264]. Школьники, вместо того, чтобы читать книги, участвуют в «библиотечной революции», направленной против библиотек: «Готовимся к новой революции, хотим превратить библиотеку в гостиницу и получать хотя бы небольшую арендную плату» [Там же].

Произведение «Записки о Кошачьем городе» от начала до конца по своему сюжету фантастично, невероятно. Тем не менее, на протяжении всего повествования сохраняется впечатление того, что это не сон, не кошмар, а реальное происшествие: «Всюду у них царит подозрительность, эгоизм, подлость, жестокость. Ни капли доверия, широты, благородства!... Мрак, мрак, беспросветный мрак!... Где же люди? И вообще: что вокруг происходит?!» [Там же, с. 249].

Автор показывает читателю общество, вывернутое наизнанку, общество «наоборот», и в этом ощущается некая внутренняя и внешняя угроза. Таким образом, в произведении не только обличаются пороки общества, но и выявляется нелепость и абсурд жизни Кошачьего государства.

Образ кошек в романе Лао Шэ носит аллегорический характер. Их образ используется как иносказательное истолкование примитивного, ограниченного и хищного общества. Хотя мифологическим животным часто приписываются человеческие качества, периодически случается и обратное явление. Люди, которые ведут себя как звери, могут превращаться в животных. Это явление отражается и в романе «Записки о Кошачьем городе», в котором Лао Шэ изобразил примитивный разум, неразвитое инстинктивное сознание народа, уравнивающее человека с животным.

На наш взгляд, Лао Шэ намеренно подчеркивает, что это не животные, похожие на людей, а наоборот, люди, которые живут по законам зверей. Само название романа красноречиво свидетельствует о том, что писатель рассматривал общество, управляемое не людьми, а кошками.

Люди в романе выступают под маской кошек. Они грязны физически и духовно, они трусливы и беспомощны, жадны и глупы. Для людей-кошек не существует никаких законов. Они попирают все гражданские и моральные нормы, не брезгают ничем. Отсутствие обыкновенных человеческих качеств, духовная нищета, приземленность устремлений – все это привито людям-кошкам обществом, которое не объединяет людей, а разъединяет их.

Таким образом, Лао Шэ раскрывает внутреннюю сущность людей, обнажает звериную сущность, первобытные инстинкты, показывает убожество и примитивизм этих существ, тем самым заставляя читателя задуматься над вопросом: есть ли в мире настоящие люди.

Люди-кошки противопоставлены главному герою, разоблачающему пороки кошачьего общества. Несовершенство общественного строя Кошачьего государства воспринимается более отчетливо на фоне соседнего Блестящего государства, жители которого честны и «более похожи на людей».

Кошачий город выражает характеристику мира, лежащего по ту сторону границы: то, что не дозволено у нас, дозволено у них. У «нас» господствуют законы и порядок, у «них» - беззаконие, беспорядок: «...я приехал из спокойного, счастливого Китая, поэтому и считал, что не может все быть так безнадежно» [Там же, с. 269]. В мыслях и размышлениях главного героя вымышленному, но являющемуся проекцией реального мира Государству Кошек, представленному в гиперболизированном, гротескном виде, противопоставлен идеальный Китай, который представляется нам как «великий, светлый и свободный» [Там же, с. 295].

Лао Шэ умеет так хорошо воплотить фантастику в реальность, что читатель чувствует себя не в «чужом», «фантастическом» мире, а в отлично знакомой ему реальной обстановке. Мир «чужого» становится зеркалом самообнаружения «своего». Мир кошек, созданный фантазией писателя, есть обратная сторона мира земного, поэтому космическая реальность в романе – не уход от действительности, а ее отражение.

Искусно используя фантастику, Лао Шэ показывает всю нелепость человеческих взаимоотношений. В произведении человек затерян в мире, где принимается в расчёт только выгода. Темнота, забитость и трусость воспитаны в людях-кошках обществом, и поэтому сатирическое осмеяние, которому Лао Шэ подвергает эти черты, приобретает ярко выраженный социальный характер. Острие его сатиры направлено на общество, в котором культивировались подобные черты.

В «Записках» повествуется о событиях, происходящих в фантастической стране – Городе Кошек. Однако за всем этим легко угадывается современная автору действительность. В 30-е годы Лао Шэ не мог открыто говорить о многом. Сатира была под негласным запретом. Лао Шэ искал форму, наиболее удобную для обхода цензуры и вместе с тем наиболее близкую, понятную простому народу. Вследствие этого он переносит события в вымышленный мир, скрывая их под зоологическими масками.

Следовательно, образ кошки выступает в «Записках» как «образ-символ», вобравший в себя архетипическое содержание из фольклорных и письменных источников китайской литературы. Он введен в произведение для того, чтобы усилить приближенность романа к народному мифологическому рассказу. Использование персонажей людей-кошек придает «Запискам» черты фольклорной сказки, погружая тем самым читателя в атмосферу фантастики и мистицизма. Появление «людей-кошек» в романе Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» свидетельствует о фольклорных основах произведения, где животное именно в силу его партнерской близости к человеку порождает образ «чужого в своем»: природная, звериная сущность проступает из-под человеческой.

Автор, используя образ кошки как элемент народных преданий, изначально опирается на фольклорный архетип, но в дальнейшем его расширяет, углубляет, трансформирует согласно своей авторской концепции. Поэтому образ кошки в романе не только повторяет известные мифологические и сказочные функции, но и приобретает новую, более значимую.

Кошка, выступая в произведении как воплощение коварства, как олицетворение зла, тёмных сил и смерти, заставляет нас задуматься о самих себе, о своих недостатках и пороках. Всмотревшись в образ людей-кошек в романе внимательнее, мы обнаруживаем большое сходство с человеческим миром, в котором часто встречаются люди только по виду, а душою хуже всяких кошек.

Список литературы

1. Антиповский А. А. Раннее творчество Лао Шэ. Темы, герои, образы. М.: Наука, 1967. 185 с.
2. Де Гроот Я. Я. М. Демонология древнего Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.ru/forum2012/8/3030> (дата обращения: 02.08.2012).
3. Ежов В. В. Мифы Древнего Китая. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. 496 с.
4. Китайские демоны-животные [Электронный ресурс]. URL: <http://wap.adepts.borda.ru/?1-4-0-00000019-000-0-0> (дата обращения: 02.08.2012).
5. Лао Шэ. Избранное: сб. М.: Радуга, 1982. 512 с.
6. Мифы древности о кошках. Китай [Электронный ресурс]. URL: <http://coska-cat.narod2.ru/mif4.html> (дата обращения: 02.08.2012).
7. Символика животных. Кот [Электронный ресурс]. URL: <http://moy-bereg.ru/simvolika-zhivotnyih/kot.html> (дата обращения: 02.08.2012).
8. Символика животных. Скорпион [Электронный ресурс]. URL: <http://moy-bereg.ru/simvolika-zhivotnyih/simvolika-skorpion.html> (дата обращения: 02.08.2012).
9. 老舍. 老牛破车. 我怎样写“猫城记” (Лао Шэ. Старый вол, разбитая телега. Как я писал «Записки о Кошачьем городе») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.132b.com/mjfc/l/laoshe/lncp/index.html> (дата обращения: 07.12.2011).

**IMAGE OF CAT IN THE CHINESE LITERARY TRADITION
(BY THE MATERIAL OF NOVEL “NOTES ON CAT CITY” BY LAO SHE)**

Bunakova Rosina Yur'evna

*Amur Region State University named after Sholom-Alejhem
sibusina@mail.ru*

The author pays special attention to the analysis of cat image in the Chinese written tradition, and by the example of Lao She's work “Notes on cat city”, where cat archetypal image is most clearly embodied, shows that this motif is allegorical in nature and appears as “image-symbol” in the novel.

Key words and phrases: cat image; folk archetype; allegory; “people-cats”; grotesque.

УДК 811.111.

Филологические науки

В данной статье описана антитеза как способ языковой реализации концепта «любовь» на материале наиболее известных стихотворений Роберта Бёрнса. Предложена интерпретация наиболее важных фрагментов этих произведений, фиксирующих образный и ценностный компоненты данного концепта. В процессе анализа примеров автором разграничивается и отмечается специфика структуры и функционирования того или иного вида антитезы, использованной в стихотворениях Р. Бёрнса.

Ключевые слова и фразы: базисный индивидуально-авторский концепт; антитеза; типы антитезы; оппозиция; языковая объективация; вербализация; ценностный компонент концепта; образ; образный компонент концепта.

Выстропова Ольга Станиславовна

*Государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград
oberega@yandex.ru*

**АНТИТЕЗА КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА “ЛЮБОВЬ”
В ТВОРЧЕСТВЕ Р. БЁРНСА[©]**

В современной отечественной лингвистике наблюдается смещение исследовательского акцента с описания общенациональных концептосфер на изучение *индивидуально-авторских концептов*. Этот факт Н. А. Красавским объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, перечень ценностей культуры лимитирован (ценностная составляющая концепта есть его облигаторный признак), следовательно, концепты в их количественном измерении исчерпаемы. Во-вторых, до недавнего времени изучались преимущественно усредненные ценности, ценности, разделяемые большинством носителей того или иного языка, на периферии же исследовательской практики, как правило, по-прежнему остаются *индивидуальные* ценностные ориентиры, <...> системы авторских ценностей, часто оформленных образами, которыми мыслит не среднестатистическая языковая личность, а элитарная личность – известные ученые, писатели и т.п. [2, с. 119]. Мы солидарны с этими рассуждениями, равно как и с мыслью С. В. Манджиевой о том, что «концепты, представляемые в текстах художественных произведений, преломляются сквозь призму авторского мировоззрения, получая специфический, индивидуальный ракурс» [3, с. 5].

В данной статье на материале наиболее известных произведений Р. Бёрнса – «Расставание», «Перед разлукой», «Ты свисти – тебя не заставлю я ждать...», «Возвращение солдата», «Златые кудри Анны», «Где птичья песенка слышна» (или «Берега Дуна») мы ставим задачу охарактеризовать базисный концепт “love”